РАЗДЕЛ 4
ОСОБЕННОСТИ МЕТОДОВ И ПОДХОДОВ В РАБОТЕ С ЭМПИРИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛОМ ПО ЖЕНСКОЙ ИСТОРИИ И АНТРОПОЛОГИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Г.В. Шпак
Москва, Институт всеобщей истории РАН,
Российский государственный гуманитарный университет;
Екатеринбург, Уральский федеральный университет

Натурфилософские сочинения Маргарет Кавендиш в свете новейшей историографии

Взгляд на творчество английской писательницы и философа Маргарет Кавендиш (1623–1673) претерпел в историографии XVIII–XXI вв. ряд существенных изменений. До середины XIX в. М. Кавендиш была известна в основном за счет своих стихотворных произведений и пьес как сентиментальная и довольно посредственная поэтесса. В середине XIX в. благодаря переизданию написанной М. Кавендиш биографии ее супруга Уильяма Кавендиша формируется представление о ней как о писателе, повествующем о высших слоях общества. Однако вплоть до середины XX в. исследователи отводили натурфилософским произведениям М. Кавендиш второстепенное место, утверждая даже, что ее занятия философией вредили ее творчеству. В первой, изданной в 1918 г. биографии М. Кавендиш Г.Э. Перри ее философские стихи и, как их называет автор, «псевдонаучные» работы объединены в главу «второстепенные сочинения» [1, p. 72].

Следует сказать, что натурфилософские произведения составляют значительную часть сочинений М. Кавендиш. Среди основных можно выделить «Философские и физические мнения» (1655), «Философские письма» (1664), «Наблюдения за экспериментальной философией и Пылающий мир» (1666) и «Основы натуральной философии» (1668). В «Наблюдениях» писательница призывает читателя рассматривать ее философские работы в качестве дополняющего друг друга континуума, стараясь не выносить окончательных суждений до знакомства со всеми: «особенно рекомендую вам мои “Философские Мнения”, которые содержат основания и принципы моей философии, но, так как они были опубликованы прежде, чем я разобралась в работах других авторов, я желаю, чтобы вы присоединили к ним мои “Философские Письма”, а к ним “Наблюдения”, которые послужат комментариями для

понимания того, что может показаться неясным в упомянутых “Мнениях”» [2, p.13].

Однако первое упоминание М. Кавендиш как натурфилософа будет связано не с ее произведениями, а с тем, что она стала первой женщиной, которая 30 мая 1667 г. посетила собрание Королевского общества, хотя это не совсем верно, поскольку ее сопровождали приближенные дамы и прислуга. О визите М. Кавендиш в Королевское общество напишет Самюэль Минц в статье «Визит герцогини Ньюкасл в Королевское общество» (1952). Хотя автор и отмечает, что ему не ясна причина, по которой исследователи ранее обходили М. Кавендиш вниманием, он также утверждает, что герцогиня «заботилась только о предмете, а не о методах науки» и «никогда не подчинилась бы дисциплине научной процедуры, потому что не видела в ней ценности» [3, p. 169]. Тем не менее своей статьей С. Минц ставит М. Кавендиш в один ряд с натурфилософами XVII в.: «В своей искренней, безмятежной, детской любви к миру природы и в своем пренебрежении к методам и утилитарным целям науки герцогиня резюмировала положение английского виртуоза XVII века» [3, p. 176].

В 70–80-е годы XX в. такие исследователи отношений власти и гендера, как Лиза Сарасон, Сильвия Бовербанк, Натали Земон Девис и пр., обращают свое внимание на творчество М. Кавендиш. В работе 1984 г. «Наука, перевернутая с ног на голову: Феминизм и Натуральная философия Маргарет Кавендиш» Л. Сарасон связывает смену гендерных ролей в пьесах Кавендиш с изменениями в натуральной философии XVII в.: «Когда Коперник поменял местами Солнце и Землю, а Галилей и Декарт заменили покой движением как основным фактом физики, сама Вселенная перевернулась вверх дном. Работа Маргарет Кавендиш объединяет атаки на традиционный авторитет, присущие как феминизму, так и новой науке» [4, p. 289]. Сарасон утверждала, что герцогиня заимствовала у новой науки «методологию скептицизма» не только для борьбы с традиционной натурфилософией, но и «как оружие в своей борьбе за признание женского интеллектуального равенства» [4, p. 289]. Но основной вывод Л. Сарасон сводился к тому, что натурфилософия М. Кавендиш являлась орудием противостояния с мужским доминированием: «Если научную революцию можно считать атакой на авторитет Аристотеля и средневековое мировоззрение, то натурфилософия Маргарет Кавендиш была еще одной атакой на авторитет науки, в которой доминируют мужчины, и, косвенно, атакой на весь мужской авторитаризм» [4, p. 294]. И хотя автор дает упрощенное представление о сути философской программы М. Кавендиш, она выделяет натурфилософские работы Кавендиш как основные и характе-

ризует «Наблюдения за экспериментальной философией» как ее «самую зрелую и сложную научную работу» [4, p. 301].

В 2000-е годы значительно увеличивается количество исследований, касающихся самых разнообразных сторон творчества М. Кавендиш. Это позволило Венди Вайз констатировать: «Кавендиш стала уважаемым, серьезным автором, и ее работы считаются важными для философии, истории, гендера и литературы» [5, p. 173]. Она отметила, что был окончательно развеян миф о малограмотности М. Кавендиш: «Широкий спектр возможных исходных текстов, обнаруженных в ее работах, свидетельствует о ненасытной программе чтения и ее интеллектуальной энергии», а также развенчаны утверждения о ее графоманстве и эксцентричности: «То, что когда-то считалось беспорядочным риторическим стилем, ученые определяют теперь как писательскую стратегию, реализованную в виде метафоры для достижения эстетического эффекта» [5, p. 173].

Эмма Уилкинс в статье «Маргарет Кавендиш и Королевское общество», опубликованной в 2014 г., рассматривает натурфилософию М. Кавендиш под новым ракурсом, последовательно разбирая тезисы, высказанные Л. Сарасон. Утверждение, что скептицизм герцогини обусловлен ее полом, дающим женской эпистемологии преимущество над программой мужского сообщества естествоиспытателей [4, p. 293], опровергается тем, что ее программа не была изолированной, а вполне соотносилась с программами представителей совсем не однородного Королевского общества. Эмма Уилкинс подчеркивает, что позиция Кавендиш по отношению к экспериментальному методу кажется враждебной из-за ее оценки потенциала оптических приборов и, оспаривая тезис, что позиция герцогини вызвана ее полом, замечает, что, к примеру, Томас Сиденхэм и Джон Локк также публиковали эссе с критикой потенциала микроскопических исследований [6, p. 248].

К 20-м годам XXI в. творчество М. Кавендиш окончательно перестало восприниматься как маргинализированное, а ее натурфилософские концепции как наивные и ненаучные. Все больше исследователей рассматривают натурфилософию Кавендиш как яркое свидетельство многовекторности развития научного знания в Англии середины XVII в.

Подготовлено при поддержке Российского научного фонда (проект No 22–18–00488 «Кризис ценностей и стратегии преодоления: идея “общего блага” в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)»).

Список литературы

1. *Fitzmaurice J.* The Life and the Literary Reptation of Margaret Cavendish // Quidditas. 1999. Vol. 20. P. 55–74.

2. *Cavendish M.* Observations upon Experimental Philosophy / ed. by Eileen O'Neill. Cambridge : Cambridge University Press, 2001. 289 p.

3. *Mintz S. I.* The Duchess of Newcastle's Visit to the Royal Society // Journal of English and Germanic Philology. 1952. No. 2. P. 168–176.

4. *Sarasohn L.T.* A Science Turned Upside Down: Feminism and the Natural Philosophy of Margaret Cavendish // Huntington Library Quarterly. 1984. No. 4. P. 280–307.

5. *Weise W.S.* Recent Studies in Margaret Cavendish, Duchess of Newcastle (2001–2010) // English Literary Renaissance. 2012. Vol. 42. No. 1. P. 146–176.

6. *Wilkins E.* Margaret Cavendish and the Royal Society // Notes and Records of the Royal Society of London. 2014. Vol. 68. No. 3. P. 245–260.

С.А. Козлов

Санкт-Петербург, Высшая школа технологии и энергетики СПбГУПТД

Русская пленница Великой Северной войны: военная антропология повседневности и изучение эпистолярий женщины петровского времени

Военно-историческая антропология открывает перспективные возможности для изучения человека и общества в экстремальных условиях вооруженных конфликтов, «вхождения» в войну и «выхода» из нее [2]. Важным направлением стало исследование повседневных практик, психологических особенностей и последствий пребывания в плену, что предполагает прежде всего рассмотрение условий содержания военнопленных и их адаптацию к чужой жизни [3, с. 16]. Наконец, гендерный подход в военной антропологии позволяет изучить такое явление, как женщина на войне. Как верно заметил П.П. Щербинин: «Женщинам, когда их мужей забирали в армию или на войну, приходилось нести двойную тяжесть забот и обязанностей… Их частная повседневная жизнь не была на виду, а потому оказывалась почти забытой современниками и потомками» [5, с. 8].

К таким «забытым» страницам следует отнести женскую историю Великой Северной войны, субъектами которой (по определению Г.В. Шебалдиной) были «жены, сестры, матери, вдовы солдат и офицеров, попавших в плен на поле брани, или приехавшие к своим мужчинам в